

J. Petermann, R. Hansen-Kokorus, T. Bill. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch / Hrsg. von J. Matešić. Wissenschaftliche Redaktion: A. Bierich, O. Dobrovolskij. Redaktion: E.L. Rymaševskaja. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt-Enzyklopädie, 1995. – XXX + 946 S.

Интенсивный теоретический интерес к фразеологии, стимулированный докладом акад. В.В. Виноградова "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" в 1946 г., далеко не сразу стал и стимулом для фразеографической практики. Несмотря на обилие одноязычных и двуязычных фразеологических словарей русского языка, капитальных по объему словника трудов было немного. В семье одноязычных словарей монополию здесь с 1967 г. держал пятикратно переиздававшийся "Фразеологи-

ческий словарь русского языка" под редакцией А.И. Молоткова, в состав которого включено лишь около 4 тысяч фразеологических единиц (далее – ФЕ). Недавно этому словарю составил, наконец, конкуренцию "Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в." в двух томах под ред. А.И. Федорова с 6,5 тысячами ФЕ. Из двуязычных в этом отношении пальму первенства имели "Русско-армянский фразеологический словарь" (1966 г.) и "Русско-болгарский фразеоло-

гический словарь" под ред. С. Влахова (1980 г.) с 6,5 тысячами ФЕ и "Русско-китайский фразеологический словарь" под ред. Чжоу Цзишень (1976 г.), словник которого – свыше 8 тыс. ФЕ.

Рецензируемый "Русско-немецкий фразеологический словарь" (РНФС), составленный фразеологической группой Мангеймского университета (Ю. Петерманн, Р. Ханзен-Кокорущ, Т. Биль) под руководством проф. Й. Матешича, уверенно перехватил эту палму первенства. Число ФЕ, отраженных в нем, – свыше 24 тысяч оборотов. Репрезентативность материала здесь обеспечена тем, что составители включили в свой словарь словники более чем 40 лексикографических трудов предшественников, провели большую коррекционную и унификационную работу, постоянно обращались к современной русской литературе и публицистике, имели возможность опросить информантов-носителей языка и получить консультации у специалистов-русистов. Более того, составители (сотрудники Славянского семинара Мангеймского университета) предварительно прошли трудную фразеографическую школу, работая над научно-исследовательским проектом "Фразеологические словари" и выпустив "Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika" (Zagreb, 1982) и "Hrvatsko-njemački frazeološki rječnik" (Zagreb, 1988). Принципы двуязычной фразеографии, апробированные в процессе работы над этими словарями, и стали основой рецензируемого труда. Каковы же эти принципы?

Ключевым понятием словаря является *фразаема*. Этот термин принят Мангеймской фразеологической школой и определяется такими параметрами, как воспроизводимостью, раздельнооформленностью (с пересмыслением хотя бы одного из компонентов) и синтаксической незавершенностью (неспособностью образовывать собственный текст). По словам составителей, это фразеологизмы в узком смысле слова, т.е. идиомы, собственно фразеологизмы (с. XI) типа *делать из мухи слона, ставить кому-н. налки в колеса, у кого-н. каменное сердце, злые языки*. Дополнительно к этому "материальному" ядру авторы включают в словник некоторые другие типы устойчивых словосочетаний: а) безобразные перифрастические развертывания глагола, не имеющие идеоматичности (*дать ответ, прийти к власти, принимать что-н. во внимание, взять кого/что-л. под надзор*);

б) так называемые минимальные фраземы предложного характера (*за спиной чьей-л., у кого-л., на минуту, с места*); с) многокомпонентные составные термины различных отраслей, ономастические номенклатуры и т.п. с фразеологическим или частично идиоматическим значением (*молочный зуб, Белый дом, Ближний Восток, куриная слепота*); д) определенные специфичные для русского языка коллокации со связанным значением (особенно с уникальными компонентами), которые буквально непереводимы на немецкий язык и трудны своей межязыковой идиоматичностью (*молодой месяц, полная вода, собака служит, круто солить*).

Принципы такого отбора словника, как видим, во многом определяются двуязычным характером словаря: он во многом ориентируется на потребности немецкого переводчика, читателя, студента. Такой прагматический подход вполне оправдан, хотя и таит в себе трудности при отделении "чисто" фразеологического материала от нефразеологического. Конечно, придиричивому читателю всегда легче предъявить претензии к составителям словаря такого типа, как рецензируемый, чем к словнику, отобранному с чисто "узких" фразеологических позиций.

Особо размытыми могут показаться в "коллокационном" словаре границы двух групп ФЕ – устойчивых составных терминов и ономастических словосочетаний. Первая группа в рецензируемом труде представлена полно и многообразно: *кукушкины слезки, морской лев, муравьиный лев, ведьмины колеса, падучая болезнь, сахарная болезнь, ботинки на шинах, английская булавка, бумага в клетку, бумага в линейку* и т.п. Близки к ним и обороты, отражающие традиционную сочетаемость типа *принять ванну, принять душ*. Несмотря на их несобственно фразеологический статус, однако, нельзя отрицать, что с точки зрения транслятологии их регистрация полезна, особенно в тех случаях, когда немецкие эквиваленты имеют другую структурную или образную основу. Так, *английская булавка* эквивалентуется нем. *eine Sicherheitsnadel*, *переводная бумага* – *Kohlepapier*, а *ботинки на шинах* – *Rennschuhe*.

Список такого рода несоответствий, однако, для любой пары языков намного превышает возможности их регистрации в специальном, даже широко ориентированном фразеологическом словаре. И в

рецензируемом справочнике можно в этом отношении зарегистрировать некоторые лакуны. Так, при наличии сочетаний *бумага в клетку, бумага в линейку и переводная бумага* заметно отсутствие *цветной бумаги*, не говоря уже о *туалетной бумаге*, а при зафиксированном *обходной лист, скорбный лист* нет авторский *лист, похвальный лист, опросный лист, исполнительный лист* и т.п.

Такой же "открытостью" характеризуется и ряд словосочетаний второй группы ФЕ в широком смысле — ономастических номенклатур типа *Белое море, Большая Медведица, Вербное воскресенье*. При фиксации сочетаний *Белое море, Черное море, Красное море, Мертвое море, Немецкое море* выглядят несколько "лакунно" не отраженные *Желтое море, Северное море, Средиземное море, Норвежское море, Баренцево море, Саргассово море, Чукотское море* и мн. др.

Некоторую "открытость" словнику придает и включение в него ряда словосочетаний с гораздо более свободной валентностью, чем предполагается для идиоматики. Таковы, например, сочетания *перехворать всеми болезнями* (с. 24), *чертова боль* (с. 24–25), *бравировать опасностью* (с. 469) и т.п.

Такого рода "расширенность" словника вполне объяснима как уже указанными транслатологическими установками, так и максималистской ориентацией составителей. Для любого большого словаря она неизбежна и вполне уместна уже потому, что фразеологическая система находится в постоянном движении и точно очертить границу устойчивого (идиоматичного) от несобственно фразеологического весьма сложно. Регистрация маргинальных групп поэтому при всей своей неполноте может быть признана полезной: она позволяет ознакомиться с некоторыми типовыми моделями устойчивых и полуустойчивых словосочетаний русского языка, которые являются резервом собственно идиоматического ядра. Здесь лучше "передать", чем "неодать" читателю материала, представляющего такие модели.

При некоторой лакунности маргинальных групп фразеологии Словарь с максимальной полнотой отражает и д и м а т и ч е с к и й ф о н д русского языка, который обычно и служит камнем преткновения для переводчиков и изучающих язык. И этот собственно идиоматический материал здесь представлен с полнотой.

намного превышающей его регистрацию предшественниками. Одним из достоинств словника является учет многих новых оборотов, до сих пор отраженных лишь выпусками "Новых слов и значений" или вообще не зарегистрированных. Таковы, например, *ФЕ вещать лапшу на уши, фирма веников не вяжет, что-л. кому-л. до фени*. Вообще представленность просторечной и жаргонной фразеологии в рецензируемом словаре вполне соответствует "духу времени" и уже потому делает его ценным источником злободневного материала. Ценен и материал, находящийся "на грани" собственно фразеологического, но необходимый для ознакомления с современной русской прессой. Таковы перифразы типа *железный занавес*, номенклатурные обороты типа *вещная болезнь, боевик сезона, первая ракетка, брак по-шведски* или крылатые выражения типа *а Васька слушает да ест, с корабля на бал* и т.п. Актуальность употребления в современном русском языке оправдывает включение этих оборотов в словарь, несмотря на то, что не все они соответствуют понятию ф р а з е м а, из которого исходят составители.

Богатство словника во многом накапливается составителями и за счет ФЕ, которые принадлежат к книжному стилю. Среди них немало и устаревших, но известных русскому читателю по классической литературе: *запускать брандера, препоясаться на брань, брать кого-л. на цугундер*. Среди них и семантические архаизмы типа *маленький сынок* в значении "der Mutter wie aus dem Gesicht geschnitten (vom Sohn)". Такой "расширитель" словника не только оправдан установкой составителей на п а с с и в н о е понимание предлагаемого материала (с. XII), но и общей культурологической его ценностью.

Фразеологическая система современного русского языка отличается, как уже отмечалось, особой мобильностью. Поэтому, разумеется, даже для такого полного словника, как словник РНФС, можно найти резервы возможного расширения. Таковы возможности пополнения отдельных гнезд. Например, в гнезде компонента *боль* даны обороты типа *кому-л. до боли жаль кого/что-л.* (с. 24), но нет *кому-л. до боли знаком*. Особо перспективными для пополнения словника в будущих изданиях словаря, как кажется, являются две группы русской фразеологии — бранная идиоматика и устойчивые сравнения. Элиминация первой в словаре (возможно, "инспирированная"

требованиями издательства "Русский язык", по договоренности с которым первоначально работала группа, и его московским редактором словаря Э.Л. Римашиной) заметна на фоне "раскрепощенности" русской словарной и литературной практики постперестроечного периода. Такие слова, как *дерьмо, говно, жопа, задница* и т.п., уже нашли свое отражение, например, в последнем издании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Они образуют весьма активные фразеологические гнезда, уже описанные специальными словарями [Буй 1995; Мокриенко 1995 (рец.: Pfandl 1995); Pastyřík 1995–1996]. Назрело, как кажется, и время их фиксации в больших фразеологических словарях. В любом случае, как кажется, в Словарь можно было бы включить те бранные ФЕ, который продолжают ряд, в нем уже зафиксированный. Так, при зарегистрированных бранных обозначениях старых женщин *старая переносица* (с. 513) и *старая хрычовка* (с. 894) необходима и фиксация не менее актуальной ФЕ *старая карга*. Ср. и шутливый фразеологический эвфемизм *божий одуванчик* (о безобидной аккуратной маленькой старушке), который также не нашел отражения в РНФС (возможно, из уважения составителей к прекрасному полу и пожилому возрасту).

Устойчивые сравнения вообще весьма разноречиво фиксируются как общими словарями русского языка, так и специально фразеологическими. В словаре под ред. А.И. Молоткова, например, отражено всего около 200 такого рода оборотов, т.е. 5% от общего словника. И в этом отношении СРНФ выгодно отличается от других больших фразеологических словарей русского языка. Ср. ряды сравнений *бояться кого/чего-л. как (пуще) огня, бояться кого/чего-л. как черт лапана, бояться кого/чего-л. как чумы; вертеться волчком, вертеться вьюном, вертеться вьюном около кого, вертеться как белка в колесе, кто-л. как сорока на колу вертится; как шелковый, ходить как по ноточке; ходить гоголем, ходить тучей (чернее тучи), смотреть волком, смотреть бирюком, смотреть сентябрем, смотреть букой, смотреть именинником* и т.п.

Вместе с тем, в фиксации и лексикографической обработке устойчивых сравнений можно обнаружить некоторые пропуски и непоследовательности. Таково отсутствие довольно распространенных оборотов типа *толстый как бочка, сражаться как лев, жить как два голубка, плевать как верблюд, сиять как медный самовар,*

чистый как слеза, прозрачный как слеза, глуп как осел (при наличии упрям как осел), работать как лошадь, пить как лошадь. Обнаруживаются также некоторые лакуны и в отражении устойчивых сравнительных оборотов по "горизонтали" (*ходить как оплеванный* и *ходить как в воду опущенный* есть, а *ходить как потерянный* нет; *упрямый как бык, упрямый как осел* есть, а *упрямый как баран* нет; *кто-л. как тростинка* есть, а *кто-л. как тростник, кто-л. как лозинка* нет и т.п.) и по "вертикали" (*бледный как смерть* есть, а *худой как смерть* нет; *бледный как мертвец* есть, а *худой как мертвец* нет и т.п.). Можно пополнить и список лексических вариантов для зафиксированных в Словаре устойчивых сравнений: *дрожать как овечий хвост* (с. 881), например, допускает и вариацию с компонентами *трястись, трепетать*

Лексикографическая обработка сравнений также могла бы быть более экономной. Поскольку в русском языке сравнительный союз выступает в нескольких лексемных "ипостасях" (*как, будто, словно, точно*), то однотипные варианты сравнений в словаре постоянно дублируются со всеми немецкими эквивалентами, например: *кого/что-л. будто ветром сдуло* [сдунуло] (с. 50), *кого/что-л. как ветром сдуло* [сдунуло] (с. 50), *кого/что-л. словно ветром сдуло* [сдунуло] (с. 51), *кого/что-л. точно ветром сдуло* [сдунуло] (с. 51). Достаточно было бы, как кажется, такого рода варианты сконцентрировать в одном месте, а в других местах дать отсылки. Нужно подчеркнуть, что высказанные соображения по поводу обработки устойчивых сравнений – лишь соображения "пожелательные", поскольку их лексикографирование – особая проблема, которая трудна уже с первого шага (выделения их корпуса). До сих пор не создано большого словаря русских сравнительных оборотов (есть лишь небольшая учебный словарь для иностранцев В.М. Огольцева), поэтому и здесь РНФС дает весьма ценный опыт, требующий теоретического и практического осмысления.

Очень важен для двуязычной фразеографии и опыт систематизации глагольного вида в РНФС. Известно, сколь трудна эта категория для германо-, англо- и романоязычных читателей. Именно поэтому составители отнеслись к фиксации видовых отношений внутри фразеологических рядов

очень ответственно. Ими успешно преодолены немалые трудности, порожаемые этой проблемой. Одна из них – в достаточной большой непоследовательности отбора того или иного глагольного вида в составе конкретных ФЕ. Словари, как правило, ее либо игнорируют, либо подгоняют фразеологические аспектные отношения под общеязыковой "копыл". Составители РНФС попытались их представить в максимальной полноте, с некоторым (имплицитным) учетом частотности того или иного вида. Каждая видовая пара ФЕ выделяется в словаре отдельной строкой, хотя полная лексикографическая разработка обычно дается под совершенным видом глагольного компонента. Такое решение (отличающееся от традиционного, особенно – в одноязычных словарях русского языка) следует признать объективным уже потому, что, во-первых, совершенный вид действительно является для фразеологии более частотным, и, во-вторых, он семантически более эффективен для ФЕ, категориально тяготеющих к экспрессивности. Оно корректно еще и потому, что такое предпочтение совершенного вида не становится правилом без исключения. Когда того требует особая глагольная избирательность или структура ФЕ, составители учитывают такого рода специфику. Так, для оборотов *добиваться* (нес.), *чьей-л. руки* и *добиться* (сов.) *чьей-л. руки* или *ездить верхом* и *ехать верхом* они предпочитают дублировать эквивалент, а для пары *чья-л. звезда* *закатилась* и *чья-л. звезда* *закатывается* несколько изменяют дефиницию-эквивалент "j-s (große) Zeit ist vorüber" и "j-s Stern ist im Sinken". Такая дифференциация оправдана функциональной спецификой русской глагольной фразеологии. На этом фоне пропуски отдельных глагольных вариантов (например, *не брезговать* при фиксации *не брезгать никакими средствами*) – неизбежные для капитального труда шероховатости.

Дальнейшей перспективой лексикографической обработки русской глагольной фразеологии остается более детальная фиксация конкретных форм, закрепленных в составе фразеологизма, например, *убил бобра!* (в РНФС он приводится в форме инфинитива: *убить бобра*, с. 20) или *когда ты еще под стол пешком ходил* (в РНФС – *кто-л. под стол пешком ходит*, с. 784). Ввиду реальной "расшатанности" личных форм глагольных ФЕ составители вынуждены следовать за источниками и потому иногда однотипные обороты здесь фикси-

руются различно: *они живут как кошка с собакой* (с. 323), *но жить душа в душу* (с. 207), *жить как в раю* (с. 643) и т.п.

Последовательна и информативна в Словаре подача ближайшего окружения описываемых ФЕ. Как и паспортизация вида, она дает четкое представление о возможностях включения конкретных оборотов в контекст и тем самым указывает на синтаксическую специфику русского материала по сравнению с немецким. Важно и то, что указания на управление даются именно для той синтаксической позиции, которая реально существует в русском языке, что характерно далеко не для всех фразеологических словарей. Ср. различную реакцию оборотов *делать кому-л. глазки* и *протереть глазки кому-л.* (с. 125) или *кто-л. на сносях* (с. 753), *кто-л. правая рука чья-л.*, *у кого-л.* (с. 670).

Реальную жизнь русских ФЕ РНФС воспроизводит и благодаря детализированной фиксации и систематизации вариантов. Строго алфавитный порядок расположения ФЕ в гнезде, правда, заставляет составителей описывать некоторые группы таких вариантов (например, лексических) как самостоятельные, отдельные ФЕ: ср. *бросать деньги на ветер*, *кидать деньги на ветер*, *швырять деньги на ветер* (с. 176–177), *болтать на ветер*, *говорить на ветер*, *бросать слова на ветер* (с. 50, 735). Таково же и описывание грамматико-вариантных рядов типа *глаза на лоб лезут – глаза на лоб полезли – глаза на лоб вылезли* (с. 118) или *у кого-л. отнимается язык – у кого-л. отнялся язык* (с. 942), а также дублирование структурных вариантов типа *ищи ветра в поле* и *ищи-свищи ветра в поле* (с. 50). Подобное описание влечет за собой, естественно, и дублирование эквивалентной части словарной статьи, которое (особенно если словарные статьи соседствуют, как в случае с двумя последними вариантами) может показаться избыточным. Несмотря на некоторую неэкономность такой подачи вариантов, она способствует более детализированному описанию семантики и структуры фразеологических гнезд. Отсылки же практически ко всем компонентам ФЕ позволяют читателю самому "собирать" весь вариантный ряд, – если такая необходимость, конечно, возникнет.

Известно, что одним из малоразработанных аспектов фразеографии является стилистическая маркировка ФЕ. И в этом отношении РНФС во многом дает большую и более корректную информацию, чем предшествующие словари. Понимая пробле-

матичность точной стилистической характеристики ФЕ (ср., например, замечание о разночтении пометы "просторечное"), составители исходили не только из лексикографического опыта (не очень богатого) предшественников, но и необходимости сбалансировать стилистику русских ФЕ с их немецкими эквивалентами. Система помет дает представление и об основных функционально-стилистических зонах употребления русской фразеологии (*разг., грубо-разг., прост., грубо-прост., нар., нар.-поэт., офиц., книжн., публ.*), и об их социальной маркированности (*воен., геогр., дет., зоол., карт., мор., шахм., юр.*), и об их актуальности (*уст., устарев.*), и об их экспрессивно-стилистической градуированности (*высок., бран., ирон., презр., пренебр., неодобр., звфем., поэт.*). Естественно при этом, что левая, "русская" часть Словаря стилистически более дифференцирована, чем правая, эквивалентная. В некоторых случаях, однако, остается, как кажется, необходимость более активного включения "правого регистра". Так, *что-л. остается мертвой буквой* верно квалифицируется пометой *книжн.*, в то время как нем. *etw. steht nur auf dem Papier* стилистически немаркировано, что может создать впечатление о полной эквивалентности. Нужно еще раз подчеркнуть при этом, что составители используют любую возможность, чтобы семантически и стилистически уравновесить левую и правую части словарных статей. Нередко поэтому в правой части даются уточнительные глоссы, имеющие функцию стилистических маркеров. Таковы, например, глоссы (*über die eigenen Kinder gesagt* – "говорится о собственных детях") к ФЕ *отрезанный ломоть* (с. 356) или (*von Kindern* – "о детях") к ФЕ *мал мала меньше* (с. 362).

Эквивалентная часть Словаря вообще – одна из самостоятельных и наиболее сильных его сторон. Не случайно сами авторы подчеркивают, что ее составление стало их "важнейшей и труднейшей задачей" и потребовало особого внимания (с. XIV). Здесь составителем приходилось из славистов превращаться в германистов и искать эквиваленты в многочисленных словарях немецкого языка. В ходе работы над РНФС поэтому были уточнены многие эквиваленты и дефиниции, найденные составителями в русско-немецких, немецко-русских и одноязычных словарях. В результате ко многим ФЕ приводятся большие ряды ярких образных эквивалентов – например, к *они*

два canoga napa – *sie sind vom gleichen Kaliber; sie sind von der gleichen Sorte; die sind vom gleichen Schlag; sie sind eine Sippschaft; die haben sich gesucht und gefunden* (с. 680). Причем часто читатель находит не только такие ряды, но и тонкую, нюансированную попытку дифференцировать семантику русских оборотов с помощью немецкой фразеологической "лакмусовой бумажки". Типична в этом смысле словарная статья к просторечной ФЕ *валять ваньку*: "1. den Hanswurst machen [spielen]; den dummen August spielen; herumkaspern: Possen reißen; Quatsch machen 2. Dummheiten machen; dummes Zeug machen 3. sich dumm stellen; den Dummen spielen 4. faulenz; auf der faulen Haut liegen; Däumchen drehen" (с. 38). Конечно, самый совершенный список фразеологических эквивалентов оставляет место для дополнений или коррекций. Так, к популярной русской ФЕ *изобретать велосипед* составители, не найдя эквивалента, приводят описательную дефиницию "eine übertragende Entdeckung machen/iron." (с. 41), хотя в разговорной немецкой речи существует прямое соответствие *das Rad (Fahrrad) neu (zum zweiten Mal) erfinden*. Но и в таких случаях можно понять осторожность авторов: немецкое выражение о "колесе" (или "велосипеде") хотя и известно носителям языка, но – как это ни парадоксально, – не зафиксировано ни одним немецким словарем (в том числе и фразеологическим).

Можно было бы продолжить обсуждение важных для фразеографии проблем, которые получили в РНФС самостоятельное и успешное решение: регистрация так наз. слов-сопроводителей, оформление факультативных компонентов, фиксация ФЕ-конвертивов и т.п. [Мокиенко, Никитина 1994]. И здесь составители смогли найти удачный баланс между традиционным и нетрадиционным потому, что руководствовались принципом лексикографической целесообразности и видели перед собой конкретного германоязычного читателя. Взыскательность последнего обусловила и безукоризненные полиграфические качества Словаря, в котором практически нет опечаток.

Выход в свет словаря мангеймской группы фразеологов – новый этап не только в русской и немецкой, но и в общей фразеографии и лексикографии. Из него будут черпать материал и для сопоставительных исследований, и для лингвистических описаний, и для диахронических штудий. Он много дает, в частности, для понимания мало осознаваемого языковедами факта, что русская

фразеология входит в широкий круг европейской идиоматики, созданный общекультурными "переживаниями". Рецензируемый Словарь имплицитно сделал этот факт едва ли не аксиомой, которую теперь остается лишь эксплицитно обосновать. Нет сомнения, что этот капитальный труд найдет свое продолжение и в подобных лексикографических тезаурусах русской фразеологии, где она будет столь же интенсивно просвечена сквозь призму французского, английского и других европейских языков. Нет сомнений и в том, что рецензируемый русско-немецкий фразеологический словарь будет еще не раз переиздаваться и обновляться. Вечно обновляющееся древо современного русского языка будет этому, несомненно, способствовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буй В 1995 – Русская заветная идиоматика. М., 1995.

Мокиенко В.М. 1995. – Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями. – А–Я. Berlin, 1995.

Pfundl H. 1995 – Revue des études slaves. Paris, 1995. T. 67. Fasc. 2–3: Rec. Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики. Berlin, 1995.

Pastyřík S 1995–1996 – Nad slovy nemytýmy a pečesanými // Češtinář. 1995–1996. Č. 4.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 1994 – Словарная разработка русской фразеологии // Studia slavica Savariensia. 1994. № 2.

В.М. Мокиенко